

Глава 7. Не ешь здесь

— Их все нужно пересадить? — Я окинул взглядом двор, насчитав не меньше двадцати горшков с цветами.

— Один я не справлюсь. Сегодня пересажу половину, остальное — завтра. — Одежания Яньгуаня, хоть и красивые, были не слишком удобны для работы. Говоря это, Мо Чуань отложил пластиковые горшки в сторону и ловко закатал рукава, обнажив руки в белой рубашке с узкими манжетами.

Он был прирождённой моделью: широкие плечи, а подпоясанная одежда подчёркивала тонкую талию и длинные ноги. Любая телезвезда могла бы ему позавидовать.

— Может... я помогу? — Я потёр нос, вызываясь на работу.

Мо Чуань замер и, глядя в землю, с сомнением произнёс:

— Неудобно как-то.

— Мне всё равно делать нечего, времени полно, — сказал я, уже снимая куртку.

На самом деле, моя помощь была невелика. Я лишь насыпал в пластиковые горшки керамзит, добавлял немного удобрения и подавал их Мо Чуаню.

Механическая работа позволяла мыслям течь своим чередом. Например... говорят, орхидеи трудно выращивать, но это не совсем так. Всё зависит от того, кто за ними ухаживает.

Раньше Мо Чуань держал на балконе в общежитии много цветов. После его отъезда Янь Чувэнь пытался за ними ухаживать, но без особого успеха, превратившись в настоящего убийцу растений. К четвёртому курсу, когда он съезжал, почти все цветы погибли. Выжила лишь одна орхидея.

Мне стало её жаль, и я отдал её своей бабушке. Под её заботливыми руками орхидея ожила, зацвела и с каждым годом становилась всё пышнее.

Но, к сожалению, через несколько лет бабушки не стало, и цветок снова остался без хозяина.

В его короткой цветочной жизни, полной скитаний, я увидел что-то родственное и забрал его к себе в студию. Но, видимо, из-за недостатка ухода, он больше ни разу не цвёл.

Возможно, как «воин умирает за того, кто его ценит, а женщина украшает себя для того, кто её любит», так и цветы цветут лишь для правильного человека. А я не был тем, кого он ждал.

— За эти годы ты хоть раз уезжал отсюда? — спросил я, передавая Мо Чуаню последний горшок.

Его пальцы легко сомкнулись на краю горшка.

— Уезжал куда? — переспросил он.

— Наружу. За эти семь лет ты был снаружи? Тебе не хотелось посмотреть, как изменился мир? — Я внимательно следил за его лицом, продолжая допытываться. — Видеть другие пейзажи, пробовать другую еду, заниматься любовью с тем, кто нравится, быть свободным — тебе этого не хочется?

Этот бесцеремонный допрос был верхом невежливости. Я ожидал, что он вспылит, но он лишь посмотрел на меня и снова спросил:

— А что, если и хочется?

С какой-то злой радостью я ожидал, что мои слова заденут его, но в итоге его вопрос поставил меня в тупик.

Он с лёгким усилием забрал у меня горшок и посмотрел на кипарис у дровяного сарая.

— То дерево, возможно, тоже хотело бы увидеть мир, но его корни так глубоко вросли в эту землю, так тесно сплелись с этим местом, что как оно может уйти?

Он осторожно уложил мясистые корни орхидеи в горшок, засыпал их свежей землёй. На его лице не было и тени обиды.

— Так что, если и хочется. — Его голос был спокоен и ровен, как замёрзшая гладь зимнего озера.

И тут я всё понял.

«А что, если и хочется?» — это был не вопрос. Это был ответ.

Я открыл рот, чувствуя, что должен что-то сказать, предложить какой-то выход, какой-то дельный совет. Но, перебрав в уме все возможные варианты, я понял, что Мо Чуань прав. А что, если и хочется?

Его статус лишал его права на свободу выбора.

Сжав губы, я больше не возвращался к этой теме. Наш разговор был окончен.

Горшки были пересажены, и у меня не было причин оставаться. Я отряхнул руки и, надев куртку, собрался уходить.

— Подожди, — окликнул меня Мо Чуань, попросив немного подождать.

Он скрылся на кухне и вскоре вернулся с плетёным подносом. На нём лежало несколько круглых вяленых хурм, покрытых тонким слоем белого налёта. Они выглядели очень аппетитно.

— В благодарность, — коротко сказал он.

— Ладно. — Я не стал церемониться и потянулся за подносом, но он резко отвёл его в сторону.

Белоснежный платок оказался прямо перед моим носом, почти касаясь моих испачканных в земле пальцев. Смысл был ясен.

— Чистюля, — я криво усмехнулся, схватил платок за край, скомкал его в руке, как бумажку, и тут же вернул Мо Чуаню.

Он посмотрел на скомканный «цветок капусты», слегка нахмурился, но всё же взял его.

Мягкая ткань скользнула по моим пальцам. Я сжал кулаки, сдерживая зуд.

В следующую секунду поднос с хурмой снова оказался передо мной. На этот раз я смог его забрать.

— Пошёл, — бросил я, не прощаясь, и направился к выходу. Спустившись на десяток ступеней, я оглянулся и увидел, что Мо Чуань стоит на верху лестницы — он провожал меня до самых ворот.

Учтивости ему было не занимать, с кем бы он ни говорил.

Я махнул ему рукой, мол, возвращайся. Он не двинулся, продолжая стоять, опустив глаза.

Большинство людей здесь были смуглыми, даже Янь Чувэнь за эти годы заметно потемнел. Но кожа Мо Чуаня, что семь лет назад, что сейчас, оставалась холодно-белой, словно её не могло согреть никакое солнце.

Он стоял перед древним храмом, почти сливаясь с белой стеной за его спиной.

Нет. Я отвёл взгляд и продолжил спускаться.

Возможно... он давно уже стал с ней одним целым.

***

Вернувшись, я едва успел поставить поднос, как сверху спустился Янь Чувэнь.

— Откуда хурма? — Он схватил одну и тут же откусил.

— Мо Чуань дал.

— Ты был в Храме Короля-Оленя? — с удивлением спросил Янь Чувэнь.

— Ага, — я рассказал ему, как отвозил посылку, умолчав о том, что помогал с цветами.

Взяв хурму за хвостик, я поднёс её ко рту. Сладкий вкус мгновенно заполнил всё вокруг.

— Мо Чуань ведь хороший парень, правда? — Янь Чувэнь, быстро расправившись с одной, потянулся за второй, но я шлёпнул его по руке.

Он потёр покрасневшую кожу.

— Ты чего дерёшься?

Я и сам не знал почему. После долгой паузы я выдавил:

— Скоро ужин. Наешься хурмы — аппетита не будет. — С этими словами я схватил поднос и пошёл наверх.

По пути мне встретила Го Шу, спускавшаяся к ужину. Она хотела поздороваться, но я протянул ей поднос, предлагая выбрать одну из оставшихся четырёх.

— ?

Она осторожно взяла одну, поблагодарила меня и, ничего не понимая, пошла дальше.

Я смутно расслышал, как она спросила у Янь Чувэня внизу:

— Брат, эта хурма что, очень дорогая? Почему он так...

***

На девятый день моего пребывания в Цояньсуне наступил Праздник зимнего урожая.

Меня разбудил оглушительный грохот петард в семь утра. Сдерживая желание выругаться, я распахнул окно и увидел, что лестница к храму заполнена людьми.

— Проснулся? — в этот момент в дверь постучал Янь Чувэнь.

Я взъерошил волосы и пошёл открывать.

Янь Чувэнь и Го Шу собирались пойти в храм за праздничной кашей, чтобы проникнуться атмосферой, и звали меня с собой.

Молодые, а любят суету.

— Не пойду, — сказал я и закрыл дверь.

Вчера я всю ночь просидел над эскизами и в итоге понял, что нарисовал кучу мусора. Сейчас я не хотел ничего, кроме как выспаться.

— Если проголодаешься, в холодильнике есть еда. Тётушка, которая нам готовит, сегодня тоже в храме помогает, — крикнул мне Янь Чувэнь из-за двери, как заботливая матушка.

Я достал из чемодана беруши, надел их и попытался снова уснуть. Через десять минут я с досадой вскочил с кровати.

Прерванный сон, как заяц в поле, — упустишь, и уже не поймаешь.

Устало протерев лицо, я пошёл в душ. Выйдя, я почувствовал себя гораздо свежее.

Толпа внизу, казалось, поредела, но всё равно была огромной. Интересно, где там Янь Чувэнь и Го Шу.

Праздник зимнего урожая был вторым по значимости у цэнлу после Дня рождения Короля-Оленя. В этот день Пинцзя с утра до вечера раздавал постную кашу соплеменникам, съехавшимся в Пэнгэ со всех окрестностей. Считалось, что тот, кто съест эту кашу, будет здоров и удачлив весь следующий год.

Конечно, в мире не существует каши, которая лечит все болезни, но когда дела идут из рук вон плохо, люди готовы верить во что угодно, даже в самые абсурдные вещи.

«Почему бы не попробовать? За это ведь денег не берут. Может, и правда повезёт? Может... вдохновение придёт?»

Эти мысли заполнили мою голову, и, очнувшись, я обнаружил, что уже стою в толпе, став частью этой очереди.

— ...

Я попытался выбраться, но было уже поздно. К счастью, несмотря на большое количество людей, царил порядок. Все медленно двигались вперёд, не толкаясь.

В очереди было много людей, одетых, как и я, в стиле ся. Разговорившись с одной семьёй, я узнал, что они из Шаньнаня. Они приехали не как паломники, а просто чтобы окунуться в праздничную атмосферу.

— Сын в следующем году сдаёт экзамены в университет. Мы слышали, что нынешний Пинцзя в детстве был вундеркиндом, набрал больше шестисот баллов. Вот, приехали за удачей, — сказала женщина, с улыбкой погладив по голове стоявшего рядом мальчика.

Мальчик с прыщами на лице раздражённо отстранился от её руки.

— Мам, не порти мне причёску.

Его отец тут же подключился.

— Что такого? Я тебе ещё лучше сделаю.

— Ты не понимаешь, сейчас так модно.

— Модно, когда чёлка на глаза лезет...

Глядя на их весёлую перепалку, я почувствовал укол тоски.

Чтобы их ребёнок «заразился» удачей от умника, родители проехали сотни километров.

Мальчик, наверное, никогда не осознает, каким невероятным везением он обладает.

Очередь медленно двигалась. Через полчаса я наконец дошёл до цели.

За первым длинным столом мне выдали пластиковую миску. С ней я подошёл ко второму столу, где женщина ловко зачерпнула из огромного котла кашу. За третьим столом мне дали лепёшку размером с ладонь.

С миской в одной руке и лепёшкой в другой я наконец оказался перед Мо Чуанем.

Нас разделял маленький деревянный столик, на котором стояла старая медная чаша с водой и свежей веточкой кипариса.

Сначала он меня не заметил. Быстро окунув три пальца в воду, он уже собирался совершить обряд благословения, но, увидев моё лицо, замер. Улыбка застыла на его губах.

— Завтраком решил угоститься, — улыбнулся я ему и откусил большой кусок лепёшки.

Он опустил глаза и, ничего не сказав, как делал это уже тысячи раз для других верующих, сложил два пальца и коснулся моего лба. Затем, отняв их, провёл большим пальцем по моим губам, оставляя на них холодную влагу.

Я перестал жевать, затаив дыхание. Сладкий вкус смешался с водой, и я думал, что на этом всё, но рука Мо Чуаня не отстранялась, продолжая касаться моих губ.

Ещё не всё?

Я уже начал удивляться, как вдруг он тихо произнёс первые слова за нашу встречу:

— Не ешь здесь.

Его палец слегка надавил, словно предупреждая.

— ...

Сдержав желание закатить глаза, я быстро проглотил то, что было во рту.

— ...Понял.

Когда я произносил первое слово, его рука всё ещё была на моих губах, но на последнем он брезгливо отдёргнул её.

Зимой его пальцы постоянно находились в воде и уже покраснели от холода.

— Лацзело, — сказал он, отводя взгляд и сжимая пальцы, словно от холода.

Лацзело. Насколько я помнил, на языке цэнлу это означало «Бог победил». В контексте сегодняшнего праздника это, вероятно, было чем-то вроде христианского «Аминь» — восхваление божества.

Я посмотрел на его торжественное, святое лицо и повторил:

— Лацзело.

<http://bllate.org/book/13443/1197031>